

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

П. П. Марченя

**Массовое правосознание как
фактор русской революции 1917 г.**

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/March_mass_pravos.pdf

URL: <http://www.civisbook.ru>

Массовое правосознание как фактор русской революции 1917 года

В стратегическом русле целого ряда современных социогуманитарных подходов история государства и права представляется внешним проявлением скрытых процессов, подспудно вызревающих в массовом сознании. В таком контексте научное осмысление правосознания как фундамента всего политико-правового комплекса, субстанции самого бытия права и его истории является одной из ключевых задач историко-юридических дисциплин¹.

Но, применительно к истории государства и права России, многие исследователи, оценивая место и роль массового правосознания в периоды качественных социальных трансформаций, ограничиваются констатацией его «правонигилистического» характера, что, по нашему мнению, является принципиальной методологической ошибкой². «Нигилистичность» правового сознания (в том числе и по отношению к позитивному праву, если оно осознается как «неправое») является его сущностной характеристикой, ибо сознание *правовое* (в отличие от конструктивно ориентированного сознания *религиозного, нравственного, политического*) ориентировано принципиально негативно. *Правовое* функционально предустановлено именно на реальное противодействие *неправовому*. И правы те современные ученые, которые подчеркивают, что «ситуация массового нормативного нигилизма не отвергает, а как раз предполагает весьма высокое морально-правовое сознание общества, включающего свои, традиционные способы поддержания социальной стабильности»³.

Во всевозможные «переходные» и «смутные» времена, на которые столь богата отечественная история, массовое сознание (как стихийно производное от общественного сознания в целом) не просто служит ареной борьбы различных политических сил за массы, но и выступает в качестве важнейшего критерия фактической жизнеспособности так называемых «исторических альтернатив». Любой «исторический выбор пути» становится действительно историческим, лишь когда он признан массами, получил поддержку в массовом сознании. И напротив, те политические силы, которые пытаются претворять в историю идеи и ценности, не адаптируя их к реалиям массового сознания, сами лишают себя исторического будущего.

Массовое правосознание как обыденная разновидность (ситуативно активизирующаяся ипостась) общественного правосознания есть наиболее реальная и конкретная форма его практического существования, психически объединяющая представителей разных групп общими (приобретающими надгрупповой характер) переживаниями по поводу восприятия тех или иных социально значимых действий как неправовых (то есть осуществляющихся не по праву, нарушающих право). В ситуациях масштабных общественных потрясений (войн, смут, революций), эти переживания становятся значимы настолько, что активизируют особую социальную общность – массы (которые в «нормальное» историческое время относятся к политико-правовым процессам индифферентно). Так массы из пассивного объекта элитарных манипуляций на время становятся активным субъектом политической истории.

В рамках сложной и противоречивой структуры *массового* сознания, именно *правовое* играет наиболее активную и значимую роль в кризисных ситуациях общественного противодействия, в случае реальной или мнимой угрозы жизненно важным ценностям. В этом контексте, массовое правосознание, аккумулирующее соответствующие архетипические народные черты, может быть осмыслено как

ключевой механизм самозащиты и самовоспроизводства общества и цивилизации. Массовое правосознание защищает «последний рубеж обороны» нации, на котором осуществляется охрана и воспроизводство ее базисного жизненного (религиозного, нравственного, политического, экономического и т.д.) качества. Этот основополагающий минимум исторически конкретной цивилизации защищен массовым правовым чувством и соответствующим потенциальным массовым протестом, вплоть до «беспощадного» (но отнюдь не «бессмысленного») бунта.

Таким образом, правовой компонент массового сознания служит рациональным «пусковым механизмом» иррационального включения масс в политический процесс, переводя *социально-психологическое* – в *идеологическое*, *социокультурное* – в *политическое*. В качестве охранного комплекса идентичности конкретного общества, при нарушении «*меры допустимого*» массовое правосознание запускается как массовый негативизм. Иначе говоря, выступает в качестве детонатора «социального взрыва» по достижении «критической массы» *неправомерного* внешнего воздействия. В кризисные моменты истории, в ситуациях истори-

С. 21

ческого выбора, массовое правосознание становится одним из доминантных факторов политического процесса, определяющим победы и поражения конкурирующих политико-правовых альтернатив.

Особую актуальность в этой связи приобретает социокультурный анализ переломных событий истории, осуществляющий сопоставление массовых, в том числе «правосознательных», ценностных ориентаций и соответствующих ценностей, предлагаемых массам со стороны борющихся политических сил. Такой исследовательский подход дает возможность по-новому взглянуть на иерархию факторов, обеспечивающих победу той или иной политической партии в многофакторной борьбе, и шире – на проблему выбора одной исторической альтернативы из нескольких возможных.

Так, при анализе революционных событий Февраля-Октября 1917 г. (изучение которых остается значимым для понимания не столько прошлого, сколько настоящего и будущего России) целесообразно сопоставить основные правосознательные интенции масс и партий как пресловутых «исторических альтернатив», которые пытались прийти на смену не выдержавшему вызовов Новейшего времени традиционному Российскому Самодержавию. Массы и массовое сознание этого времени отразили резонанс грандиозных «социопотрясений», когда воедино слились модернизация, кризис Православия, мировая война, гибель монархии, революционные преобразования, экономическая разруха, тотальная ценностная дезориентация в результате всеобщей смуты и потери «почвы». Всего восемь месяцев от Февраля к Октябрю сконцентрировали сразу несколько эпохальных исторических пластов: обвал самодержавной системы, попытка установления ранее невиданной в России демократии, крах этой попытки, выразившийся в анархии и охлократии, попытке путча «справа» и установлении диктатуры «слева».

В этот уникальный период массы вынужденно вышли на первый план политической истории и исполняли главную роль в расстановке политических сил. По мнению некоторых свидетелей Великой Русской революции, «не Ленин и Троцкий пришли к власти, а сама *масса*»⁴, ибо действительной силой истории были отнюдь не классы, а массы – и «захват этими «массами» в октябре 1917 года власти и знаменует собою подлинную Революцию»⁵.

Но основой политико-правовой культуры абсолютного большинства населения, несмотря на постфевральские декорации, продолжали служить вековые традиции общинности с ее своеобразным авторитарным коллективизмом и резко отрицательным

отношением к индивидуализму, категорическим неприятием идеи частной собственности на землю, отрицанием оторванного от жизненных реалий позитивного права (доходящим до полного к нему презрения в случае несоответствия текущего законодательства народным представлениям о Правде, несогласованности с традиционными общинными ценностями, необеспеченности Идеей и эффективно работающим на нее репрессивно-властным механизмом).

Поняв, что сменившая Царя «демократическая власть» не спешит дать ни «Мира», ни «Земли», ни новой «Правды», массы приступили к активным «самочинным» действиям по реализации своих чаяний традиционными методами. И они показали себя не пассивным объектом политики и права, а могущественной силой, на которую никто не мог вполне опереться. Воздействие масс на политическую жизнь страны проявлялось во всех значимых событиях, сказывалось на позиции и действиях власти, партий и самых разных организаций. В условиях безвластия официальных структур, массы ситуативно все чаще стали выполнять функции фактического органа власти (в том числе правотворческой и судебной), прибегая к традиционному свойственным ей методам массового насилия. По выражению современников, Россия «перешла в вопросах правосудия на положение страны зулусов»⁶. По официальным оценкам аналитиков Временного правительства, к осени 1917 г. движение народных масс приняло «антигосударственный характер»⁷. В сознании масс, разочарованных беспомощностью «демократии» в решении всех важнейших вопросов, развращенных бесправием, утвердившимся по всей стране на фоне «риторического половодья» властей и партийных функционеров, стали безоговорочно доминировать экстремистские настроения. И настроениям этим соответствовали радикальные лозунги большевиков, созвучные традиционным лозунгам крестьянской общины. Но не только сельские жители напомнили новой власти, что «Красный петух» и вилы не ушли в область преданий. Не сильно отличающиеся от крестьян в социокультурном плане рабочие, и тем более ожесточенные участием в трехлетней мировой бойне солдаты – не остались в стороне от «демократического волеизъявления» доступными им способами. Фетиш Учредительного собрания и жупел беззубых циркулярных угроз Временного правительства применить наконец силу (так и остающихся пустыми бумагами) быстро перестали сдерживать ширящееся движение бунтующих масс. Погромы, охватившие в результате всю «демократическую» Россию и превратившиеся в один «всероссийский погром», самым причудливым образом перемешали прежние социальные группы в «массы». Обозначается явная тенденция к сливанию в одну распаленную массу и крестьян, и солдат, и рабочих – *массовое* сознание на практике оказалось более значимо, чем *классовое*. И, как подчеркивалось в аналитических обзорах МВД, сами массы начали уставать от безвластия⁸.

Но ни кадеты, ни меньшевики, ни эсеры не сумели согласовать политическое поведение с вырвавшейся на улицы стихией масс. Откладывая меры по решению неотложных проблем, занимавших центральное место в сознании большинства, они отдали инициативу большевикам, которые стремились еще более «раскачать» носителей бунтарских настроений. Ленинцы превратили сферу массового сознания в полигон для решающей схватки за власть, а массы – в орудие, способное взломать внешне легитимные структуры.

Отношение масс к партиям определялось в значительной степени их правосознанием. Определяю-

щее значение в борьбе за массы имели не программы и доктрины партий, а отношение народа к самим партиям, какими они представлялись в массовом сознании вне зависимости от недоступных ему доктринальных политико-юридических

хитросплетений. Поведение партии, желающей повести за собой народ, должно было соответствовать особенностям народного правового менталитета, носителем сущностных черт которого выступала община, а успех партии определялся тем, насколько ее практическая деятельность отвечала социальной психологии масс, насколько ее тактика корреспондировалась с их поведенческими стереотипами, насколько лозунги партии были понятны «мужику» и согласованы с его базовыми мировоззренческими установками.

Главный вопрос смутных времен – вопрос о легитимности либо «самозванности» претендующих на власть сил – решался не на страницах партийных программ (которых в России не читали тогда, и не читают теперь), а в недрах массового сознания, в системе архаически основополагающих координат «свой-чужой». И если либерально-демократические правовые идеологемы в 1917 г. оказались внешними по отношению к социокультурным кодам массового сознания (более того, при сопоставлении образовывали целую систему бинарных оппозиций по принципу «чужой-свой»: *правовое государство-правый Государь (Конституция-Царь), закон-обычай, законопослушность-властebоязнь, собственность-антисобственность* и т.д.), то лозунги и тактика ленинцев были направлены на их актуализацию и практическое использование (а соответствующие идеологемы находили живой отклик в массах по принципу «свой-свой»)⁹.

Игнорирование оскорбленного правового чувства широких масс властными и околовластными элитами сложившейся после Февраля политико-правовой системы привело к тому, что последняя до самого Октября работала на самоуничтожение. Не имея опоры в массовом сознании, не будучи подкрепленной ни обращением к традиционным Державным символам и ценностям, ни единством органов власти, ни соответствующими действиями силовых структур – постфевральская «демократия» осталась правовой фикцией – и была закономерно сметена протестной стихией масс, инструментализированной большевиками.

Победа первоначально непопулярной и малочисленной партии не объяснима вне осмысления того факта, что в массовом сознании от Февраля к Октябрю большевики стали рассматриваться в качестве единственной силы, способной прекратить государственный распад и вернуть России *право*, заняв историческое место Самодержавия. Поражение поначалу более сильных – и либеральных, и революционно-демократических – оппонентов большевизма убедительно продемонстрировало, что системные преобразования в обществе не мыслимы в конфликте со сложившейся правовой идеологией и правовой психологией масс, в противоречии с массовым правосознанием. Попытки тех или иных «элит» искусственно трансплантировать чуждые ему политико-правовые реалии, механически претворяя в жизнь идеи, органически с ним не совместимые, – не только теоретически ошибочны, но и практически опасны.

Марченя Павел Петрович,
доцент кафедры философии Московского университета МВД России, доцент УНЦ «Новая Россия.
История постсоветской России» РГГУ, кандидат исторических наук, доцент

marchenyap@mail.ru

¹ См.: *Марченя П.П.* Общественное правосознание в отечественной истории // Вестник Моск. ун-та МВД России. 2006. № 1. С. 158–160.

² *Марченя П.* Парадоксы мифологии «правового нигилизма» в России // Закон и право. 2006. № 2. С. 20–22.

³ *Даниелян К.Р.* Традиция и правосознание (Историко-политологический аспект проблемы). М., 1999. С. 92.

⁴ Цит. по: Германия и русская революция, 1917–1924. М., 2004. С. 87.

⁵ *Лукьянов С.С.* Революция и власть // В поисках пути: Русская интеллигенция и судьбы России. М., 1992. С. 279.

⁶ ГАРФ. Ф. 1791. Оп. 6. Д.165. Л. 38.

⁷ Там же. Д. 401. Л. 152 Об.

---

⁸ Там же. Лл. 47, 52, 151–153.

⁹ См.: *Марченя П.П.* Партийные идеологемы в массовом сознании «демократической» России: власть и массы от Февраля к Октябрю 1917 г. // Вестник Поморского ун-та. Сер.: Гуманитар. и соц. науки. 2009. № 3. С. 11–17.